

Неолиберальная агония

В Грузии государство отказалось от развития страны. Неолиберализм исчерпан – продавать и дерегулировать больше нечего.

[Мате Габицинашвили](#) | 06.12.2019

Читайте эту статью на [английском языке](#)

Грузия кипит в преддверии парламентских выборов-2020 – жизнь в стране уже вошла в кризисный режим. Крайняя поляризация раздирает грузинский политический ландшафт, но конфликты не связаны ни с идеологическими разногласиями, ни с дискуссиями о дальнейшем пути развития страны. Популярность правящей партии «Грузинская мечта» **падает**, но и оппозиция не может похвастаться ростом электоральной поддержки. Простые граждане наблюдают за противостоянием политиков, но им очень тяжело разобраться в нюансах политической борьбы, которые окажут влияние на их повседневную жизнь. Этот раскол между политической элитой и остальной частью грузинского общества создает благоприятную почву для потенциальной реакции популистских сил против нынешнего политического, экономического и культурного истеблишмента.

Грузинские элиты – как во власти, так и в нынешней оппозиции – сыграли весомую роль в радикальном эксперименте по реализации неолиберального пути развития страны; и на протяжении последних двух десятилетий Грузия вынуждена была терпеть тяжелейшие последствия этого эксперимента. Отправной точкой стала «революция роз» в 2003 году, открывшая новую главу в истории современной Грузии. Этой революции предшествовали шоковая терапия в экономике, бесконтрольная приватизация и разгул коррупции. После революции доктрина развития страны осталась той же, но приобрела более институционализированный характер, усовершенствовав механизмы контроля и агрессивного принуждения со стороны «государственного сектора».

Грузинская распродажа

В течение этого времени ВВП вырос, но от этого выиграли далеко не все. Четверть грузинского населения, по-прежнему живущая в бедности, едва ли ощутила трансформации. Все дело в том, что стремительный экономический рост после 2003 года «[произошел в условиях снижения занятости населения](#)» вследствие приватизации и реформирования государственного сектора. При этом граждане с относительно [высоким уровнем доходов извлекли существенную выгоду из проведенных реформ](#) – на фоне значительного дисбаланса экономического развития сельских и городских регионов страны. По показателям неравенства Грузию сегодня можно поставить на первое место среди всех развивающихся стран.

Самый большой выигрыш пришелся на долю спекулятивных секторов экономики: банков, игорного бизнеса и недвижимости. В 2009 году тогдашний премьер-министр Грузии и банкир-либертарианец Ладо Гургенидзе [гордо заявлял](#): «У нас нет никакой промышленной политики ни в одном из секторов экономики. Не имеет значения, откуда придет экономический рост». Годом позже политическая команда президента Саакашвили закрепила либертарианскую идеологию в грузинской конституции, фактически установив запрет на повышение налогов без проведения референдума. Так называемый Акт экономической свободы нанес ущерб государственному бюджету как в отношении источников его наполнения, так и в плане ограничений на расходы. Да, «Грузинской мечте» под руководством Бидзины Иванишвили удалось свергнуть режим Саакашвили в 2012 году, но «Акт свободы» и неолиберальная идеология так и остались.

Ключевая задача Министерства экономики – выполнять роль «менеджера по продажам» в компании под названием «Грузия» и ускорять приватизационный процесс

Сегодня Грузия – это страна, где все «хорошие» больницы и школы находятся в частной собственности. Бюрократический аппарат обслуживает интересы игорных компаний, коммерческих банков и крупных импортоориентированных корпораций. И правящая партия, и противостоящая ей оппозиция являются большими фанатами Индекса легкости ведения бизнеса Всемирного банка и Индекса экономической свободы Heritage Foundation: в обоих рейтингах Грузия занимает высокие позиции. Главными источниками новых рабочих мест обе стороны считают приватизацию и свободную торговлю со всем остальным миром (включая Китай). Ключевая задача Министерства экономики – выполнять роль «менеджера по продажам» в компании под названием «Грузия» и ускорять приватизационный процесс. Весь политический спектр разделяет мнение, что главной проблемой страны является «сбой в работе государства», а не «сбой в работе рыночных механизмов». Рынок при отсутствии государственного вмешательства в экономику сам займется привлечением прямых иностранных инвестиций – за счет дешевой и нерегулируемой рабочей силы, а также чрезвычайно низкими налогами. В перспективе это создаст больше рабочих мест.

Утопическая социальная инженерия

Подобное либертарианское видение институционально оформилось в эпоху позднего Кахи Бендукидзе – бывшего министра экономики, а также отца и идейного вдохновителя постреволюционных экономических трансформаций в Грузии. Он известен своим высказыванием о готовности продавать все что угодно, кроме грузинской совести. Как справедливо [отметил](#) Стивен Ф. Джонс, неолиберальный эксперимент Кахи Бендукидзе носил иллюзорный характер и

опирался в большей мере на утопические фантазии, чем прагматичный расчет. Этот эксперимент не стал революцией в экономическом укладе страны – скорее чем-то из разряда «идеалистической революции». Этот эксперимент стал тем, что Карл Поппер назвал «утопической инженерией», основанной на нереалистичных воззрениях и ошибочном понимании прогресса. Реализация идей Кахи Бендукидзе строилась на трех столпах.

Во-первых, экономическая политика способствовала стремительной приватизации, которая шла бок о бок с полной дерегуляцией финансового сектора, сокращением налогов и урезанием государственных расходов. Экономическая трансформация оформилась как классовый проект, выгодный исключительно элитарным кругам. Создавались монополии, а общество разделилось на узкую прослойку «победителей» и многочисленную группу «проигравших».

Во-вторых, для реализации такого радикального политического курса понадобились репрессии. В Грузии, как и в Латинской Америке, неолиберальная утопическая инженерия привела к огромному социально-экономическому неравенству. Чтобы стабилизировать этот процесс, правительство Саакашвили вкладывало огромные средства в репрессивные силовые ведомства и держало открытыми двери для прямых иностранных инвестиций. Тем не менее кризисные тенденции усиливались, а грузинское правительство столкнулось с растущим сопротивлением и жесткой реакцией со стороны разных слоев общества. В результате этого возник **неолиберальный авторитаризм** с присущей ему постоянной и строгой экономией, требовавшей усиленного надзора, злоупотребления властью и слаженной работы силовых органов.

В-третьих, понадобилась пропаганда для удержания «момента надежды»: нам нужно быть терпеливыми сегодня, чтобы получить результат завтра. Эта надежда формировалась широкомасштабной пропагандой в СМИ. Люди оказались дезориентированными, растерянными и раздробленными. Выросло новое поколение, для которого неолиберализм был уже не идеологией, а «здравым смыслом». По словам Джорджа Монбио, в том числе и в Грузии люди практически смирились с тем, что «эта утопическая вера нового тысячелетия описывает некую нейтральную силу природы – своего рода биологический закон наподобие теории эволюции Дарвина».

Надежда умерла

Но все эти три столпа грузинского неолиберализма уже себя исчерпали: если брать экономическую плоскость, то в Грузии просто нечего больше продавать и дерегулировать. Общество больше не демонстрирует толерантного отношения к репрессиям. Более того, в репрессиях не осталось больше никакой потребности, поскольку радикальные экономические реформы времен Саакашвили уже оформились институционально: главный экономический акцент полностью сместился с трудовой деятельности на капитал – и это ознаменовало завершение процесса его первичного накопления.

Брать «циклическую миграцию» как главную стратегию по решению проблемы безработицы – означает признаться в провале своей собственной экономической политики. Это отказ от развития.

Последним столпом, который остался стоять как оплот неолиберальной инерции, была надежда: настойчивое обещание лучшей жизни если не сегодня, то завтра. Последняя надежда умерла в конце ноября, во время **телеинтервью с Бидзиной Иванишвили**, неформальным правителем страны и председателем «Грузинской мечты». Иванишвили завел речь о «циклической

миграции», обещая рабочие места за рубежом, а не в родных стенах: «В Грузии можно создать 50 тыс. рабочих мест – при условии хорошей координации этого процесса... Нам понадобятся десятилетия, чтобы трудоустроить каждого трудоспособного гражданина в нашей родной стране... Следовательно, для трудоустройства 2 млн грузин нам необходимы десятки лет... у нас есть возможность договариваться с развитыми европейскими странами... чтобы ликвидировать разрыв, который есть у европейцев. У европейцев есть рабочие места, у них нет рабочей силы, у нас нет рабочих мест».

Если следовать его логике, то все государственные инвестиции в систему профессионального образования преследуют лишь одну стратегическую цель: наращивание конкурентных преимуществ главной позиции экспортного потенциала Грузии – ее рабочей силы. Теперь же грузинское правительство, [после сокращения населения на более чем один миллион человек](#) начала 1990-х годов, планирует открыть путь к легальной эмиграции для всего остального населения – в том числе за счет выделения субсидий на дешевые авиаперелеты, чтобы грузинские эмигранты могли чаще видеться со своими семьями.

В любом случае брать «циклическую миграцию» как главную стратегию по решению проблемы безработицы – означает признаться в провале своей собственной экономической политики. Это отказ от развития. Грузинское правительство, вместо того чтобы сосредоточиться на стратегии пресечения «утечки мозгов», открыто агитирует людей выезжать за границу. Неприкрытая констатация того, что нет ни малейшей надежды на улучшение ситуации внутри страны, является отказом от реализации этой политической задачи. Добром это еще нигде и никогда не заканчивалось. И Грузия не станет исключением из правил.